

Из песен Камбуровой слов не выкинуть

Юрий СОКОЛОВ, «Известия»

Кто по своему амплу народная артистка России Елена Камбурова? Певица? Актриса? Поет, как играет, или играет, как поет?..

Скорее всего, Елена Камбурова — это явление.

О, Господи, сколько выдумки, сколько техники, лазерных лучей, светомузыки, свистопляски, дыма, клиповых гарниров используют многие эстрадные звезды для обогащения своего таланта.

А Эдит Пиаф просто выходила в черном платье, просто пела, и зал замирал и ликовал...

А Михаил Жванецкий выходит с потертым школьным портфельчиком, вынимает мятые листки и просто читает...

Однако это та особая простота, что укладывается между великим и просто гениальным.

Так же и Елена Камбурова.

— Я себя считала больше актрисой, нежели певницей, — говорит она. — Возможно, довлекло мнение моих педагогов в эстрадно-цирковом училище, которые говорили: «Что угодно, только не пой!». А мне как раз угодно было петь.

В желании петь в принципе нет ничего из ряда вон выходящего. Поют практически все — и хором, и в розницу.

Вопрос в том, что поют и как. Как — это вечный двигатель в искусстве.

— Мне хочется, — размышляет Елена, — чтобы песня сполна получила то, чего она заслуживает. Французские шансонье в этом жанре идеально воплощают триединство: саму песню, выразительность исполнения и прекрасный вокал.

На недавнем концерте Камбуровой в Театре эстрады это триединство было явлено. В программе были и французские песни XVI века, и песни на стихи Неруды, Окуджавы, Ахмадулиной... И все очутилось без пауз, без пустот, как флорентийская мозаика. Какая же певица разная и непохожая во всех этих песнях — тысяча и одно лицо! Одно движение, изменение тембра, в руках колпак, котелок или трость — и происходит перевоплощение...

Это и старый мошенник Фиджин из мюзикла «Оливер», и Маруся, которая сохнет по Ваньке Морозову, любимому (вот душенька!) циркачку, и циркачка, поющая «на проволоке» ахмадулинские стихи, «и если вам не страшно, то трюку моему всего лишь грош цена!».

Страшно, Лена, страшно! Хоть проволока и воображаемая, но мороз по коже натуральный.

А романс Вертинского!.. За четыре с небольшим минуты спета и сыграна вся жизнь провинциальной девушки, парижское платье которой ей так ни разу не удалось надеть на бал, коих не было в этом «сонном городке». Шли годы, и платье все же надели на нее и повезли... «на слепых лошадях колыхались плюмажики, старый попик любезно кадиллом махал... Так весной в буафорском смешном экипажике вы поехали к Богу на бал!». Медленный поворот, и лицо актрисы уходит в сценическую тень, как в небывшие...

И как же слушают Камбурову! Публика — еще одна заслуга певицы. Нет, не вся еще интеллигенция перевелась или уехала. Более того — на концертах Камбуровой очень много молодых, готовых с возрастным энтузиазмом поорать и поплясать...

Не орут. Слушают, боясь пропустить жест или слово. А ведь Камбурова может переходить на шепот (и переходит), но ее слышно в последнем ряду балкона. Скажете, это не явление?.. А зрительские явления с цветами на сцену после каждого (!) номера?.. Ну, допустим, давние поклонники всегда и везде приходят с цветами. Но попавшие впервые — как они в антракте бросились в фойе не к буфету, а к продавщице цветов! А явление на сцену 6-летнего рыцаря дошкольного образа с плиткой любимого шоколада для прекрасной дамы?.. Можед, с этого и надо начинать воспитание не только вкуса к шоколаду, но и вкуса вообще?

Иметь такого собственного зрителя, собственную сцену, собственный театр — это то стремление к независимости, которое пытаются с разным успехом осуществить многие.

— Такой Театр песни Елены Камбуровой был создан при Московском концерте в 1990 году, — рассказывает руководитель ее оркестра Олег Синкин.

(Кстати, об оркестре. Он состоит... из двух человек: Олег Синкин — клавишные и Вячеслав Голиков — гитара и скрипка. Но звучат они действительно словно камерный оркестр).

— ...А в 1992 году мы вышли из состава Московского и решением правительства Москвы стали самостоятельным Театром музыки и поэзии.

— Театр музыки и поэзии — наречено достойно. А где расположена созвучная такому имени крыша?

— Вы понимаете, как сложно сегодня ее получить. Тем более

И голос как образ...
Фото Виктора АХЛОМОВА.

под такое не коммерческое, а поэтическое дело. Нам почти было дали зал на Новом Арбате — в здании «Росугля»...

— Но между «почти» и «дали» лежит, как водится, пропасть.

— Естественно. Но сейчас уже практически дали один из залчиков кинотеатра «Спорт». Но это не музыкальная тема...

— Да, не стоит «петь» эту политэкономии. Впрочем, еще чуть-чуть... Почему на телевидении совершенно нет Камбуровой? Нет спроса?

— Не спроса. Нет денег. Кто может платить телевидению, чтобы появиться на экране, платит. Мы не можем. Да и, честно говоря, есть в этой оплате своего таланта большая доля унижения. А свой театр — это и свой дом, и свои домочадцы, и свои гости — своя публика. Тут запоешь, в хорошем смысле.

— Музыкальная подоплека создания такого театра, — сказала Елена, — это грусть за Россию, которую захлестнула так называемая «попса»... Это очень расхожее нынче слово, но, увы, его не избежать. И она на 90 процентов ограничена лексиконом приснопамятной людоедки Элочки. Уж лучше песня без слов, чем с пустыми словами...

Казалось бы, колыбельная песня... Что особенного можно извлечь из этого жанра — в какой-то степени «служебного», чтобы уснул малыш. У Камбуровой это целый музыкальный и драматический пласт, где «Спи, моя радость, усни», «Спи, моя Светлана», «Спи, мой бэби» и «Спят медведи и слоны» из кинофильма «Цирк», и многие другие популярные колыбельные звучат, с одной стороны, колыбельно-бесхитростно, с другой — как оперные каватинны. А где-то и как дуэты — вокальный диалог между ребенком и скрипучей лестницей. От высоких чистых нот детского голоса до буквально скрипучего

низкого тембра лестницы. И это не пародия, это музыка, это песня.

— У меня было много осложнений и с афишами, и с песнями, — вспоминает Елена «окаянные дни». — Все ведь детально рассматривалось и утверждалось или, что бывало чаще, отвергалось. Худсовет мог не оставить живого места в репертуаре. Известный наш тенор Иван Суржиков говорил про одну мою песню, что «ее надо душить в самом корешке, в самом что ни на есть зернышке. Вот с таких «своих» песен все в Чехословакии и началось!».

Сейчас он живет и поет в Германии. Иногда приезжает.

— Жизнь артиста — весьма любопытная область бытия. Штраус даже посвятил этому вальс «Жизнь артиста». Обществу безразлично, что, допустим, очередной министр развелся с очередной женой, а вот вся личная жизнь звезд театра, кино и эстрады, видимо, в силу их яркости, рассматривается в замочную скважину, как в телескоп. Но вот о вас никто ни слуха, ни слова, ни полслова! Помилуйте, это по меньшей мере странно... Рискую быть нескромным, но, может, вы в эксклюзивном порядке как-то поделитесь?.. У вас никого из любимых не уведили?

— Было. Это, конечно, стало для меня трагедией. Хотя, знаете, время лечит... Помните, когда только-только появились настоящие джинсы? И я мечтала, копила и купила. Настоящие «Ли Вайс», представляете?!

— Как живых!

— Вот их живьем и увели из меня прямо из гримборной, пока я пела в концертном платье.

Я все понял и оценил искусство Елены в этом «порыве откровения». Оно вполне созвучно песням Камбуровой, из которых слов не выкинуть. Лучше и не пытаться.